

Научная статья

УДК 343.2/.7, 343.3/.7, 343.21, 343.237

DOI: 10.25683/VOLBI.2023.64.720

Yuri Anatolevich Vasilev

Candidate of Law,
judge of the Primorsky District Court of St. Petersburg,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
North-Western Branch
of the Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation
bodrost82@yandex.ru

Юрий Анатольевич Васильев

канд. юрид. наук,
судья Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга,
доцент кафедры уголовного права,
Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия
Санкт-Петербург, Российская Федерация
bodrost82@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ДЕУНИВЕРСАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. В статье затронута проблема несистемного внесения изменений в уголовный закон Российской Федерации. Автором изложен тезис о принятии ряда законов, включивших в Уголовный кодекс (УК) РФ новые статьи Особенной части, без глубокого анализа целесообразности таких изменений, соотношения новых положений с существующими уголовно-правовыми институтами. Указано на необходимость обладания положениями уголовного закона свойством универсальности как способностью нормы регулировать все подобные друг другу правоотношения в определенной сфере, а не малую часть из них в ряду схожих.

Автором предпринята попытка обосновать утверждение о том, что поспешное введение законодателем в Особенную часть УК РФ новых статей привело к утрате рядом норм указанной универсальности. Подробно изложены примеры статей УК РФ, необоснованно нацеленных на регулирование узкого среза общественных отношений при наличии универсальных норм, распространяющих свое действие одновременно как на сферу регулирования узкоспециализированных статей, так и на множество иных случаев преступного поведения. В ходе исследования сформулирован вывод

о фактическом противоречии ряда новых статей УК РФ как классическим подходам к квалификации деяний, совершенных в соучастии с распределением ролей, принятой научным сообществом иерархии степени общественной опасности различных соучастников преступной деятельности, так и позиции Верховного суда РФ по данным вопросам.

Делается вывод о внесении новыми нормами УК РФ в правоприменительную деятельность путаницы, излишних сложностей и, как следствие, снижении такими новеллами эффективности уголовного закона. Автором обосновывается позиция о необходимости исключения из УК РФ не отвечающих требованию универсальности норм и обеспечению в дальнейшем более взвешенного подхода к внесению изменений в УК РФ.

Ключевые слова: универсальность норм уголовного закона, изменения в Уголовном кодексе РФ, системность уголовного закона, противоречивость положений Уголовного кодекса РФ, эффективность правоприменения, квалификация соучастия с распределением ролей, дублирование норм в уголовном законе, иерархия соучастников, пособничество, избыточность норм УК РФ

Для цитирования: Васильев Ю. А. Проблема деуниверсализации уголовного закона // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 3(64). С. 268—273. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.64.720.

Original article

THE PROBLEM OF DE-UNIVERSALIZATION OF THE CRIMINAL LAW

5.1.4 — Criminal law sciences

Abstract. The article touches upon the problem of non-systemic amendments to the Criminal Law of the Russian Federation. The author presents the thesis on the adoption of a number of laws that included new articles of a Special part in the Criminal Code of the Russian Federation, without a deep analysis of the expediency of such changes and correlation of new provisions with existing criminal law institutions. It is pointed out that the provisions of the Criminal Law should have the property of universality as the ability of the norm to regulate all similar legal relations in a certain area, and not a small part of them in a number of similar ones.

The author attempts to substantiate the claim that the hasty introduction of new articles by the legislator into a Special part of the Criminal Code of the Russian Federation led to the loss of a number of norms of this universality. Examples of articles of the Criminal Code of the Russian Federation unreasonably aimed at regulating a narrow sector of public relations in the presence of universal norms that extend their effect simultane-

ously, both to the sphere of regulation of highly specialized articles and to many other cases of criminal behavior are described in detail. In the course of the study, a conclusion is formulated about the actual contradiction of a number of new articles of the Criminal Code of the Russian Federation, both to the classical approaches to the qualification of acts committed in complicity with the distribution of roles, the hierarchy of the degree of public danger of various accomplices of criminal activity adopted by the scientific community, and the position of the Supreme Court of the Russian Federation on these issues.

The article concludes that the new norms of the Criminal Code of the Russian Federation introduce confusion, unnecessary difficulties into law enforcement, and, as a result, reduce the effectiveness of the Criminal Law by such novelties. The author substantiates the need to exclude from the Criminal Code of the Russian Federation norms that do not meet the requirement of universality, and to ensure in the future a more

balanced approach to making changes to the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: *universality of the norms of the Criminal Law, amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, consistency of the Criminal Law, inconsistency of the provisions*

For citation: Vasilev Yu. A. The problem of de-universalization of the criminal law. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2023;3(64):268—273. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.64.720.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена существующей тенденцией несистемного внесения изменений в Особенную часть Уголовного кодекса (далее — УК) РФ, существенным образом влияющей как на качество уголовного закона путем насыщения его нормами, не отвечающими требованию универсальности, противоречащими традиционным институтам уголовного права, так и на эффективность уголовно-правовой борьбы с преступностью. Необходимость исследования причин и следствий таких новелл уголовного закона, их обозначение, фиксация и анализ обусловлены существенным их воздействием как на совершенствование УК РФ, так и на правоприменительную деятельность, эффективность правового регулирования общественных отношений. Поспешно включенные в УК РФ статьи, дублирующие иные положений закона, неизбежно влекут усложнение правоприменения, снижают результативность противодействия преступности. Поэтому понимание и исследование их сущности и особенностей — важное условие реализации конституционного постулата о защите потерпевших от преступлений.

Характеризуя изученность темы исследования, отметим, что отдельные аспекты универсальности уголовно-правовых норм были объектом изучения В. В. Векленко, проблемы несистемного изменения уголовного закона в своих работах затрагивал Д. М. Молчанов, вопросы квалификации соучастия с распределением ролей исследовали Г. А. Есаков, Н. Г. Кадников, Д. А. Мелешко, М. А. Соколов, Д. А. Янковский, проблемы иерархии соучастников по степени общественной опасности изучали Т. А. Владыкина, Ю. В. Грачева, Л. В. Иногамова-Хегай, Ю. И. Скуратов, А. И. Чучаев и др.

Целесообразность разработки темы обусловлена возможностью эффективного противодействия преступности только на основе качественного, непротиворечивого уголовного закона, построенного на базе принципа системности и с учетом достижений науки уголовного права. Внесение в УК РФ противоречивых, непоследовательных изменений, не согласующихся с доктринальными положениями уголовного права, неизменно влечет сложности в практической деятельности, создает предпосылки неединообразного понимания и применения закона разными правоприменителями, снижает качество закона и его эффективность. Поэтому выявление таких норм, их глубокое изучение и выработка мер по оптимизации вносимых в УК РФ изменений носит важный теоретический и прикладной характер.

Научная новизна работы заключается в исследовании ряда статей Особенной части УК РФ в единстве с положениями Общей части УК РФ, доктринальными положениями науки уголовного права, позицией Верховного суда РФ через призму теории права, моделировании влияния не отвечающих требованию универсальности статей УК РФ на правоприменительную деятельность.

Цель работы заключается в выявлении и обосновании избыточности ряда статей Особенной части УК РФ,

of the Criminal Code of the Russian Federation, effectiveness of law enforcement, qualification of complicity with the distribution of roles, duplication of norms in the Criminal Law, hierarchy of accomplices, complicity, redundancy of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation

не отвечающих требованию универсальности, отсутствия их практической значимости.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

- выделить положения Особенной части УК РФ, не отвечающие требованию уголовно-правовой универсальности;
- выявить противоречия между такими положениями, классическими институтами уголовного права, универсальными уголовно-правовыми нормами и позицией Верховного суда РФ;
- обосновать избыточность статей УК РФ, не являющихся универсальными в уголовно-правовом смысле;
- предложить меры по оптимизации внесения изменений в УК РФ и повышению эффективности противодействия преступности средствами, отличными от корректировки статей УК РФ.

Теоретическая значимость работы обусловлена сформулированными в ней положениями и выводами, нацеленными на оптимизацию правотворчества, с учетом достижений науки уголовного права, обеспечение системности вносимых в УК РФ изменений, минимизации внутренних противоречий норм уголовного закона России. **Практическая значимость** проистекает из выявленных недостатков ряда статей Особенной части УК РФ, устранение которых способно повысить эффективность правоприменительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

Методы и методология исследования. При написании статьи использовались общие и частные методы научного познания, в т. ч. системный анализ, диалектический метод, функциональный анализ, синтез, обобщение, сравнение и др.

Основная часть

Уголовное законодательство, как и любая иная отрасль, для сохранения его эффективности должно усилиями законодателя следовать за реалиями общественной жизни, избавляясь от не имеющих значения для регулирования общественных отношений анахронизмов. Напротив, существенно изменившиеся или новые общественно опасные деяния требуют введения норм, регламентирующих ответственность за таковые.

В то же время развитие уголовного закона, его изменение как ответ на социальные вызовы, не должно вести к пусть даже и частичной, но утрате характерных для любого нормативного правового акта признаков. В противном случае лишившийся элементов универсальности закон теряет возможность быть эффективным, качественно регулировать общественные отношения, вместо этого создавая путаницу при его применении разными субъектами.

Норма права, как и любая социальная норма, обладает признаком универсальности, т. е. рассчитана на многократное применение, действует непрерывно во времени в отношении персонально неопределенного круга лиц [1], а также рассчитана на регулирование множества схожих ситуаций социального взаимодействия. Должны обладать таким свойством и закрепленные в уголовном законе

нормы в рамках своего предмета правового регулирования, и с учетом понимания уголовно-правовой универсальности как способности нормы регулировать все подобные правоотношения в определенной сфере, а не малую часть из них в ряду схожих.

Необходимость такой универсальности в уголовном праве признается научным сообществом, что логично проистекает из сущности уголовного закона как системы нормативно-правовых установлений: «Наличие единственного кодифицированного нормативного правового акта значительно упрощает понимание содержания уголовного права и облегчает практику реализации уголовно-правовых предписаний» [2, с. 13]. Нормативность же уголовного закона присуща ему как общий признак, характерный для любых подобных правовых актов [2, с. 13]. С учетом упомянутой кодифицированности уголовного закона новые и изменяющиеся его нормы не вправе терять универсальности, без особой необходимости не должны быть ориентированы на регулирование малой части сходных общественных отношений при наличии возможности охватить своим воздействием большинство таковых (а порой и при наличии в УК РФ норм, обладающих признаком универсальности).

Опираясь на требование универсальности уголовно-правовых норм, классический подход к квалификации преступлений, совершенных в соучастии с распределением ролей, выработал правило оценки содеянного соучастниками, отличными от исполнителей (подстрекателем, пособником или организатором), по той же статье Особенной части УК РФ, по которой квалифицированы действия исполнителя, но с обязательной ссылкой на ст. 33 УК РФ [3—6].

Аналогичной позиции придерживается и Пленум Верховного суда РФ, указывая в ряде постановлений на необходимость квалификации действий упомянутых соучастников со ссылкой на ст. 33 УК РФ [7, п. 9; 8, п. 15].

Такой подход к квалификации деяний, совершенных в соучастии с распределением ролей, дает возможность исключить излишнее насыщение Особенной части УК РФ дублирующими друг друга нормами об ответственности указанных лиц, одновременно позволяя осуществлять эффективное противодействие преступности уголовно-правовыми средствами, квалифицировать действия каждого соучастника, назначать справедливое наказание.

Вместе с тем в последние годы всё более ярко проявляется тенденция включения законодателем в Особенную часть УК РФ норм, не отвечающих вышеуказанному требованию универсальности, дублирующих имеющиеся в УК РФ нормативные установления, затрагивающих узкие срезы общественных отношений, уже урегулированные другими нормами. Представляется, что такие изменения не способствуют эффективности правоприменения, а целесообразность включения таких норм в УК РФ не очевидна.

Так, введенная Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586ФЗ ст. 281¹ УК РФ «Содействие диверсионной деятельности» в диспозиции ч. 1 объединяет в себе элементы пособничества («вооружение... в целях совершения диверсии») и подстрекательства («склонение лица... к совершению диверсии»). При этом ст. 33 УК РФ, характеризуя институт пособничества и подстрекательства, фактически использует те же формулировки, что и в ч. 1 ст. 281¹ УК РФ: подстрекательство — «склонение... к совершению преступления», пособничество — «содействие путем предоставления средств или орудий совершения преступления...». Более того, ч. 3 и 4 ст. 281¹ УК РФ прямо устанавливают

ответственность за пособничество и организацию диверсии — деяния, запрещенного ст. 281 УК РФ, т. е. также дублируют положения ст. 33 УК РФ.

Такое конструирование положений Особенной части УК РФ, помимо формирования очевидного противоречия классическим подходам к квалификации соучастия с распределением ролей (по статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ), закономерно ставит вопрос о причинах закрепления одной формы пособничества (вооружение) в ч. 1 ст. 281¹ УК РФ, а иных форм деятельности того же соучастника — в ч. 3 статьи (исходя из положений ч. 5 ст. 33 УК РФ — предоставление информации, устранение препятствий, обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы). Представляется, что исходя из очевидного единства характеристик личности субъекта преступления вне зависимости от форм его преступной деятельности и единства юридической оценки таковой (как пособника), указанный вопрос научно обоснованного ответа не находит. И даже в случае совместного совершения преступления в форме пособничества двумя разными лицами, лишь различие в формах этого пособничества не должно влечь существенно отличающееся наказание.

Данные умозаключения в полной мере также применимы и к положениям ст. 205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности», диспозиции ч. 1 и 1¹ которой устанавливают ответственность за пособничество и подстрекательство (в формах вооружения и склонения соответственно) к террористической деятельности, ответственность за которую предусмотрена иными статьями УК РФ, а ч. 3 и 4 ст. 205¹ устанавливают ответственность за «пособничество» и «организацию» таких преступлений.

Фактический повтор института пособничества очевиден также и в диспозициях ст. 291¹ УК РФ «Посредничество во взяточничестве» и ст. 204¹ «Посредничество в коммерческом подкупе», предусматривающих, помимо непосредственной передачи предмета взятки (коммерческого подкупа), «иное содействие... в достижении либо реализации соглашения... о получении и даче взятки» (коммерческого подкупа). Использованный же в содержании ч. 5 ст. 33 УК РФ (пособник...) термин «содействие» по своему содержанию в рассматриваемом контексте синонимичен примененному в ст. 291¹ и 204¹ УК РФ понятию «содействие» [9, с. 658].

Следует отметить, что примеч. 2 к ст. 281¹ и примеч. 1¹ к ст. 205¹ УК РФ, раскрывающие содержание дефиниции пособничества применительно к данным статьям УК РФ (именно такую формулировку использует законодатель: «Под пособничеством в настоящей статье понимается...»), дословно дублируют содержание ч. 5 ст. 33 УК РФ, раскрывающей аналогичный термин общеуголовного характера. Иными словами, несмотря на анонсирование в названных примечаниях особого содержания категории пособничества в отдельных статьях Особенной части УК РФ, фактически такое содержание совершенно не отличается от содержания этой категории, применяемой ко всем другим преступлениям. Данное обстоятельство также указывает на избыточный характер положений ст. 281¹ УК РФ, введение которой в УК РФ с очевидностью не вызвано квалификационной или иной правоприменительной необходимостью.

Аналогичным образом положения ст. 281² УК РФ «Прохожение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности» (введена Федеральным законом от 29 декабря

2022 г. № 586ФЗ) фактически дублируют институт наказуемости приготовления к преступлению. Такое повторение положений Общей части УК РФ в статьях Особенной части представляется избыточным, поскольку ч. 1 ст. 30 УК РФ закрепляет, что «приготовление к преступлению признаются... иное умышленное создание условий для совершения преступления», т. е. содержит универсальную норму, включающую в себя по смысловому содержанию любые подготовительные действия, в т. ч. закрепленные в ст. 281² УК РФ «приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими... веществами...». В отличие от диспозиции ст. 281² УК РФ, положения ч. 1 ст. 30 УК РФ более широки по смыслу, охватывают как все перечисленные в ст. 281² УК РФ способы приготовления к совершению диверсии, так и не отраженные в ней, т. е. являются универсальными, позволяющими квалифицировать любые действия по подготовке к диверсии путем применения ст. 281 УК РФ со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ. В случае подготовки к диверсии способами, не перечисленными в ст. 281² УК РФ, действия виновного с очевидностью будут квалифицированы именно с позиций классических подходов к квалификации неоконченных форм преступной деятельности — по ч. 1 ст. 30 и ст. 281 УК РФ. Следовательно, ст. 281² УК РФ не отвечает требованиям универсальности, не нацелена на упрощение процесса квалификации преступных действий и правоприменения в целом.

Абсолютно идентичные положения, дублирующие институт приготовления к преступлению, изложены в ст. 205³ УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», диспозиция которой дословно повторяет ст. 281² УК РФ, за исключением цели осуществления террористической, а не диверсионной деятельности.

Дублирует положения ч. 3 ст. 33 УК РФ («Организатор») и диспозиция ст. 110² УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» (введена Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120ФЗ), ограничивая уголовно наказуемые формы организации этого преступления «распространением информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства». По аналогичным вышеизложенным мотивам данная норма представляется излишней, не отвечающей требованию универсальности нормативных установлений. Так же, как в случае со ст. 281² УК РФ и институтом приготовления к преступлению, при организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства отличными от указанных в диспозиции ст. 110² УК РФ способами, действия виновного будут квалифицированы по ч. 3 ст. 33 и ст. 110¹ УК РФ. В то же время перечисленные в ст. 110² УК РФ формы организации преступления также могут быть квалифицированы аналогичным образом, а сама статья — исключена из УК РФ как избыточная без какого-либо ущерба правоохранительной деятельности.

Ряд норм Особенной части УК РФ также не соответствует требованию универсальности ввиду их несогласованности с положениями иных статей Особенной части УК РФ, а не институтам Общей части. Так, Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207ФЗ в УК РФ введены ст. 159¹—159⁶ (мошенничество в сфере кредитования, при получении выплат, с использованием электронных средств платежа, в сфере страхования, в сфере компьютерной информации), дис-

позиции которых не отличаются от «классического» мошенничества, ответственность за которое установлена ст. 159 УК РФ, за исключением специального выделения сфер общественных отношений, в которых такие деяния совершены.

В то же время положения ст. 159 УК РФ универсальны и охватывают своим воздействием все перечисленные в ст. 159¹—159⁶ сферы уголовно-правовой охраны, что уже само по себе указывает на излишний характер данных норм, их фактическое дублирование положений ст. 159 УК РФ, утрату ими необходимого свойства универсальности. Фактически аналогичное положение содержится и в пояснительной записке к проекту включившего в УК РФ данные нормы Федерального закона: «В настоящем законопроекте речь не идет о криминализации специальных видов мошенничества, поскольку действующая редакция статьи 159 УК РФ охватывает все случаи хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» [10]. В том же документе целью принятия данного закона названо способствование «снижению числа ошибок и злоупотреблений во время возбуждения уголовных дел о мошенничестве, повышению качества работы по выявлению и расследованию таких преступлений, правильной квалификации содеянного органами предварительного расследования и судом» [10]. Вместе с тем представляется, что внесение новых норм в УК РФ, к тому же не содержащих новых установлений, не отвечающих требованию универсальности, не является целесообразным средством устранения ошибок правоприменения, злоупотреблений и повышения качества работы правоохранительных органов — для этого существуют более простые и эффективные механизмы (принятие руководящих постановлений Пленума Верховного суда РФ, издание обзоров судебной практики и др.). Тезис об оптимизации таким путем процесса квалификации правоприменителями разных видов мошенничества также представляется неубедительным, в т. ч. ввиду фактического дублирования норм Особенной части УК РФ, сложностей в определении границ указанных в рассматриваемых статьях УК РФ сфер и необоснованного усложнения структуры преступлений против собственности, совершенных путем обмана или злоупотребления доверием.

Имея в фундаменте тот же принцип универсальности норм, теорией уголовного права выработана признанная большинством исследователей иерархия степени общественной опасности соучастников при наличии распределения ролей (по убыванию опасности): организатор, исполнитель, подстрекатель, пособник [11; 12, с. 48; 13, с. 50; 14]. Организатору назначается судами наиболее строгое наказание [15, с. 96], «он является наиболее опасным и несет повышенную ответственность», а «деятельность пособника, как правило, менее опасна по сравнению с деятельностью других соучастников. Он менее активен, не руководит преступной деятельностью, не выполняет объективной стороны преступления, не склоняет других к совершению преступления» [11, ст. 33, 34, 67]. Существуют и альтернативные точки зрения, но и они вступают в спор с изложенной иерархией лишь в части соотношения степени общественной опасности организатора и исполнителя преступления [16; 17, с. 132].

Фактически отражены указанные различия в степени общественной опасности соучастников и в самом уголовном законе. Устанавливая основания исключения уголовной ответственности в силу добровольного отказа от преступления, закон (ч. 4 ст. 31 УК РФ) устанавливает, что организатор и подстрекатель не подлежат ответственности,

если они предотвратили доведение преступления исполнителем до конца. В свою очередь, пособник не подлежит уголовной ответственности при том достаточном условии, что он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления, даже если ему этого сделать и не удалось.

Приведенная иерархия соучастников с распределением ролей поддерживается и практикой Верховного суда РФ, указывающего, что «деятельность пособника в совершении преступления менее опасна по сравнению с деятельностью других соучастников, в частности подстрекателя» [18].

Следовательно, с учетом требований ч. 3 ст. 60 УК РФ, обязывающей суд учитывать при назначении наказания «характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного», поддержанная высшей судебной инстанцией России иерархия соисполнителей должна отражаться и в санкциях вышеуказанных новых статей Особенной части УК РФ, предусмотревших ответственность за разные формы соучастия в преступной деятельности.

Вместе с тем и этот угол зрения выявляет внутренние противоречия рассмотренных выше норм УК РФ. Так, согласно положениям ст. 290, 291, 291¹ УК РФ взяткополучатель (ч. 1 ст. 290 УК РФ) и взяткодатель (ч. 1 ст. 291 УК РФ) несут более мягкое наказание (лишение свободы на срок до трех и двух лет соответственно), чем лицо, лишь обещавшее или предложившее быть посредником (ч. 5 ст. 291¹ — до семи лишения свободы), т. е., в сущности, чем пособник.

Аналогичный диссонанс возможных к назначению наказаний выявляет и анализ санкций ст. 205 и 205¹ УК РФ, согласно которым пособничество в совершении террористического акта (ч. 3 ст. 205¹) влечет наказание в виде лишения свободы от 12 до 20 лет, а непосредственно совершение такого акта наказывается мягче — лишением свободы на срок 10 до 20 лет.

Выводы и заключение

Таким образом, в процессе внесения в уголовный закон изменений становится очевидной тенденция увеличения в Особенной части УК РФ статей, не отвечающих требованиям универсальности — они избыточны, насыщают

УК РФ фактически конкурирующими нормами, способны регулировать крайне малую часть сходных общественных отношений, поэтому создают предпосылки к неправильному правоприменению, а необходимость их введения не является очевидной или вовсе отсутствует.

Кроме того, по преступлениям, совершенным тайно и с высокой степенью конспирации (ст. 205, 205¹, 290, 291, 291¹ УК РФ), крайне сложно убедительно установить столь значимую роль пособника, действия которого преимущественно и привели к совершению преступления, что могло бы обосновать более строгое для такого соучастника наказание, установленное в УК РФ.

В сущности, единственной практически значимой целью введения в УК РФ рассмотренных норм является их общепреventивное воздействие. Но и эта цель не является бесспорным обоснованием таких новелл уголовного закона, поскольку очевиден факт неизучения потенциальными террористами, взяточниками и диверсантами изменений УК РФ в момент принятия решения о совершении вышеописанных деяний. Представляется, что большее значение в достижении целей общей превенции сыграло бы широкое освещение в средствах массовой информации возможного наказания за совершение указанных преступлений. Такой способ профилактики преступности, помимо очевидной эффективности, не потребовал бы не вызванного объективной необходимостью насыщения уголовного закона новыми нормами, противоречащими как самому УК РФ, так и достижениям науки уголовного права.

В связи с изложенным наблюдающаяся тенденция деуниверсализации норм УК РФ представляется ошибочной, внутренне противоречивой, необоснованно усложняющей закон и его применение при отсутствии пользы для регулирования общественных отношений. По этой причине названная тенденция, несомненно, подлежит пересмотру, а усилия законодателя по внесению изменений в УК РФ требуют более широкого взгляда и взвешенного подхода, должны «быть глубоко продуманными, обоснованными и способными оказывать существенное влияние на повышение эффективности уголовно-правовой охраны общественных отношений, не тормозить их позитивное развитие» [19].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Печоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права : учеб. М. : Прометей, 2017. Раздел III. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учеб. / под ред. проф. В. В. Векленко. М. : ЮРАЙТ, 2017. 230 с.
3. Уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. СПб. : Городец, 2006. Гл. 13. Параграф 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Янковский Д. А. Акцессорная природа соучастия и ее влияние на наказуемость соучастников // Российский следователь. 2021. № 6. С. 42—45.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. Ст. 34. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Соколов М. А., Мелешко Д. А. Вопросы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. 2019. № 8. С. 54—58.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Словарь русского языка : ок. 57000 сл. / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М. : Русский язык, 1986. 797 с.
10. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации” от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. 3-е изд., доп. и изм. М. : ИНФРА-М : НОРМА, 2000. XIII, 880 с.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Чучаева. 3-е изд., испр., доп. и перераб. М. : Контракт, 2011. 624 с.
13. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учеб. / отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М. : Контракт, 2017. 384 с.
14. Владыкина Т. А. Изменение категории преступления // Уголовное право. 2018. № 5. С. 11—17.
15. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М. : Статут, 2013. 406 с.
16. Молчанов Д. М. Организатор преступления в Общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии Особенной части // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 12. С. 118—133. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.118-133.
17. Энциклопедия уголовного права. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2007. Т. 6 : Соучастие в преступлении. 563 с.
18. Определение Верховного Суда РФ от 21 ноября 2002 г. № 8-О02-26. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
19. Елихин А. Ю. Уголовно-правовые аспекты дополнения уголовного закона специальными видами мошенничества // Современное право. 2013. № 10. С. 134—137.

REFERENCES

1. Tsechoev V. K., Shvanderova A. R. Theory of State and Law. Textbook. Moscow, Prometei, 2017. Section III. Available from LRS ConsultantPlus. (In Russ.)
2. Criminal law of the Russian Federation. General part. Textbook. V. V. Veklenko (ed.). Moscow, Yurait, 2017. 230 p. (In Russ.)
3. Criminal law. General and Special parts. Textbook for universities. N. G. Kadnikov (ed.). Saint Petersburg, Gorodets, 2006. Chapter 13. Paragraph 3. Available from LRS ConsultantPlus. (In Russ.)
4. Yankovskii D. A. The accessory nature of complicity and its impact on the punishability of accomplices. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2021;6: 42—45. (In Russ.)
5. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article). G. A. Esakov (ed.). 9th ed. Moscow, Prospekt, 2021. Art. 34. Available from LRS ConsultantPlus. (In Russ.)
6. Sokolov M. A., Meleshko D. A. Questions of qualification of mediation in bribery. *Zakonnost' = Legality*. 2019;8: 54—58. (In Russ.)
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 18, 2023 No. 11 “On the practice of consideration by courts of criminal cases of crimes against military service”. Available from LRS ConsultantPlus. (In Russ.)
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 10, 2010 No. 12 “On judicial practice of consideration of criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it”. Available from LRS ConsultantPlus. (In Russ.)
9. Russian Dictionary Language. About 57000 words. N. Yu. Shvedova (ed.). 18th ed. Moscow, Russkii yazyk, 1986. 797 p. (In Russ.)
10. Explanatory Note “To the Draft Federal Law ‘On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Other Legislative Acts of the Russian Federation’ dated November 29, 2012 No. 207-FZ”. Available from LRS ConsultantPlus. (In Russ.)
11. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article). Yu. I. Skuratov, V. M. Lebedev (eds.). 3rd ed. Moscow, INFRA-M, NORMA, 2000. XIII, 880 p. (In Russ.)
12. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. 3rd ed. A. I. Chuchaev (ed.). Moscow, Kontrakt, 2011. 624 p. (In Russ.)
13. Criminal law of Russia. General and Special parts. Textbook. Yu. V. Gracheva, A. I. Chuchaev (eds.). Moscow, Kontrakt, 2017. 384 p. (In Russ.)
14. Vladykina T. A. Changing the category of crime. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2018;5:11—17. (In Russ.)
15. Arutyunov A. A. Complicity in a crime. Moscow, Statut, 2013. 406 p. (In Russ.)
16. Molchanov D. M. A Crime Organizer in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation and Special Rules on Complicity of the Special Part. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2021;16(12):118—133. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.118-133.
17. Encyclopedia of Criminal Law. Saint Petersburg, Professor Malinin publ., 2007. Vol. 6: Complicity in a crime. 563 p. (In Russ.)
18. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of November 21, 2002 No. 8-О02-26. Available from LRS ConsultantPlus. (In Russ.)
19. Epihin A. Ju. Legal problems of attachment of special types of fraud in the Criminal Code of Russian Federation. *Sovremennoe pravo = Modern Law*. 2013;10:134—137. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.07.2023; одобрена после рецензирования 06.07.2023; принята к публикации 08.07.2023.
The article was submitted 02.07.2023; approved after reviewing 06.07.2023; accepted for publication 08.07.2023.